

ОН ИЗУЧАЛ ЛЮДСКИЕ МНЕНИЯ «НЕЩАДНО, ВОПРЕКИ ВСЕМУ»

ПАМЯТИ БОРИСА АНДРЕЕВИЧА ГРУШИНА (1929–2007)

Смерть Бориса Андреевича Грушина — огромная потеря не только для его родных и друзей. Это событие глубоко переживается всем сообществом российских социологов и теми, кто на постсоветском пространстве изучает общественное мнение.

Завершилась жизнь Грушина, но не его судьба. Начав четыре десятилетия назад опросы общественного мнения в СССР, он столкнул с горы камушек, породивший лавину. Он дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу, и не приходится сомневаться в том, что в политической культуре XX столетия имя Грушина будет стоять в одном ряду с выдающимися гуманистами, считавшими демократию и свободу важнейшими ценностями.

По своим политико-гражданским воззрениям Грушин не был ни «красным», ни «белым», ни левым, ни правым, ни либералом, ни консерватором, ни русофилом, ни западником, ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Его студенческому другу, одному из крупнейших философов XX века Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои». И Грушин говорил: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об “уходе в диссиденты”». Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле» [1].

Несколько лет назад я опубликовал пространную статью [2] о творчестве Грушина, потом были главы о нем в книгах по истории изучения общественного мнения [3]. Было трудно писать о живом классике российской социологии, нельзя было допустить и намека на лесть. Теперь — иная трудность: как написать о Грушине выпукло, но не пафосно? Мои заметки — пристрастны, но историко-биографические работы в принципе не могут не быть личностными, тем более когда пишешь о человеке и ученом, которого хорошо знал и сделанное которым очень высоко ценишь.

Настоящая статья — дань памяти и уважения одному из первых советских/российских социологов постхрущевского периода, и одновременно — часть историко-научно-исследовательского исследования, в котором прошлое отечественной социологии раскрывается через биографии ее творцов. Она относится к направлению «оперативных историко-биографических» исследований

[4]; цель которых заключается в анализе с «близкого расстояния» личных судеб и творчества ученых, чей жизненный путь завершился, но наследие останется значимым для будущего. Записанные сегодня, пусть даже очень бегло, воспоминания, наблюдения, опубликованные документы окажутся крайне ценными для истории российской социологии.

Продолжительная болезнь Грушина не позволила мне провести с ним электронное интервью, а мои короткие приезды в Москву были недостаточными для обстоятельного разговора. Но в последние годы Грушин дал ряд интервью журналистам, которых хорошо знал и которым верил, потому — отвечал развернуто и раскованно. Эти интервью и тексты самого Грушина составляют информационную базу настоящей работы.

Как-то Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «состоялась, но не удалась» [5]. С этими словами Бориса Андреевича невозможно согласиться.

Человек идеалов и идей

Сын Джорджа Гэллапа, Джордж Гэллап-младший сказал о своем отце: «Он был человеком идей и идеалов» [6]. Эту характеристику в различной мере можно распространить на советских социологов-шестидесятников, начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х годов, но в первую очередь, она относится к Грушину. Слова сына Джорджа Гэллапа были спонтанной реакцией на вопрос интервью, в равной мере он мог бы сказать и иначе: «человек идеалов и идей»; подобное изменение порядка слов было бы оправданным. Многие называли Гэллапа-старшего романтиком, считали, что он переоценивал способность населения адекватно понимать происходящее и разумно судить о политике. Но он, будучи представителем десятого поколения американцев, осознавал свою связь с прошлым и называл себя апостолом демократии. Гэллап ощущал свое предназначение, слышал зов судьбы и вызовы времени.

Именно в таком порядке: идеалы и идеи — следует располагать указанные сущности применительно к творчеству и судьбе Грушина. Лишь идеалист, романтик был способен начать опросы общественного мнения в СССР в 1960-х годах, лишь такой человек мог бороться за их проведение, рисковать и жертвовать многим, носиться, как говорили его друзья, с «идеяй-фикусом». Идей же у Грушина была масса. Его креативность видна во всех его делах: в творчестве теоретика и методолога, методиста и организатора крупнейших социологических проектов.

Грушин сказал: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом» [5], однако дух оруджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловская «испанская грусть» остались в нем. Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором все подчинялось государству, он считал, что общественное мнение имеет право на существование и должно быть услышанным. Начиная опросы, Грушин не мог предполагать, что не только нашел тему исследований, но и определил линию своей жизни. Но он быстро распознал в них свою судьбу и занимался ими «нещадно и вопреки всему» [7].

В США, где в первой половине XIX века возникли простейшие опросы общественного мнения, а примерно через сто лет — научная, или гэллаповская,

технология изучения мнений населения, для этого имелись весомые социальные предпосылки.

Первое: становление американской президентской власти и многоуровневой (страна, штаты, «районы») системы голосования. Отсюда желание избирателей, прессы и политиков как можно больше знать об электорате с целью предсказать итоги голосований. Одновременно отмечу стремление издателей (исходно — партийной, позже — внепартийной) прессы играть активную роль в политической жизни страны.

Второе: рыночная экономика, конкуренция и борьба за деньги потребителей. Это привело к появлению на рубеже XIX и XX веков служб изучения установок и поведения потребителей и к изучению эффективности рекламы. Для этого был необходим анализ аудитории газет, потом — журналов и еще позже — радио. Эти же каналы в периоды избирательных кампаний служили важнейшими средствами распространения политической и социальной информации.

Третье: непрерывное развитие в США системы наук о человеке. В данном случае я особенно выделяю такие направления психологии, как измерение способностей и конструирование тестов. Опыт университетских ученых быстро находил применение в прикладных разработках, поддерживавшихся бизнесом. Это видно по «траекториям преемственности» [8], которые показывают связь «учитель — ученик», соединяющую Гэллага с основателями европейской и американской психологии Гальтоном, Фехнером и Джемсом.

Ничего подобного для возникновения практики зондирования мнений населения СССР в 1960-е годы не существовало. Вместо выборов — голосование за одного кандидата, выдвигавшегося государством. Одна партия. Государственные средства массовой информации и идеологическая цензура. Плановая экономика, в которой не потребитель — король, но директивные органы. Психометрика, как и другие области психологии, была разгромлена в стране в 1930-е годы, и никакой непрерывности в развитии наук о человеке не было. В статье памяти Грушина его ровесник, учившийся на философском факультете Ленинградского университета, А. Здравомыслов писал, что во времена их студенчества понятие «социология» еще не употреблялось, оно существовало только в сочетании с прилагательным «буржуазная» [9].

Сказанное переводит задачу поиска факторов, детерминировавших начало деятельности Грушина по изучению общественного мнения, из проблемы анализа макросоциальных предпосылок в проблему биографическую и подводит к изучению его микросреды.

Рассматривая творчество и траекторию жизни Грушина, приходишь к выводу о том, что важнейшим стимулом, двигателем его деятельности были идеалы свободы, уверенность в том, что власти обязаны слышать и слушать мнения людей. Потому так важно понять, откуда все это возникло в человеке, родившемся через 12 лет после Октябрьской революции и воспитывавшемся в годы почти тотального подавления личности.

В одном из интервью Грушин сказал следующее: «Я москвич в третьем поколении. Мама служила по бухгалтерской части. Дед был пекарем, отец тоже. У отца (мы с ним очень дружили) было 4 класса образования, но человек это был совершенно особого склада ума и характера. Член партии с 1924 года. Фронтвик — ушел добровольцем в первые же дни, хотя у него тогда

уже не было одной почки. Был тяжело ранен. Карьеру свою он закончил в Минфине, в аппарате министра финансов А.Г. Зверева. Мне с генами передались от него два качества: честность в делах (до глупости) и аккуратность. У меня они выродились в этакий “перфекционизм”, я — “отличник по определению”. Отец оказал на меня огромное влияние» [1]. В личном письме Грушин, кроме того, сообщил мне, что его отец, будучи комсомольским и партийным активистом, быстро продвигался по службе и, став директором пекарни, был избран в Московский совет депутатов. Хотя у него не было особого образования, в середине 1930-х Моссовет направил его в Московский репертуарный комитет, утверждавший спектакли всех московских театров, кроме трех академических: Большого, Малого и МХАТа. Волей истории в 1939 году он попал в Министерство финансов СССР в качестве работника секретно-шифровального отдела. В 1943 году инвалидом войны вернулся домой.

Беседы в семье, общение со школьными друзьями (например, одноклассником и другом жизни Бориса был Егор Яковлев, в будущем одна из ярчайших фигур перестройки), встречи с фронтовиками, видевшими Европу [10], рано заставили Грушина задуматься о мире социальных отношений. «Золотой медалист, — отмечает М. Хромченко, — еще в школе начитавшись Гегеля и Фейербаха, легко преодолев собеседование, поступает на философский факультет университета с целью заниматься этикой и эстетикой по Чернышевскому. Оказывается, идейного комсомольца <...> не устраивало не только раздельное обучение, против которого он выступал еще в школе, но и некоторые отклонения в поведении советских людей в кавычках. Полагая, что для их исправления надо усилить коммунистическое воспитание, он хотел за годы обучения пополнить свой теоретический багаж. Окончательно переосмыслить систему идеологических координат ему пришлось, однако, в страшные годы борьбы с безродными космополитами, детей которых, тех, кто учился на его курсе, он чуть ли не в одиночку защищал» [11]. Возможно, что со временем Грушин стал бы «нормальным» философом, разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет на философском факультете была открыта кафедра логики, и Грушин, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства» [12, с. 205].

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри дружеского объединения, известного как «Московский логический кружок» (МЛК), возникшего в начале 1950-х годов. Его основателями, помимо Грушина, были еще три человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, философскую культуру и нравственный климат советского общества: прошедший войну Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994) и Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990). Участники МЛК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспосабливательным искусством — “реалистическим”... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, то есть партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они назвали подобных “художников” диалектическими станковистами — диастанкурами!

Вот в этом смысле, плюс внутренняя аллитерация, мы и были четырьмя диастанкурами... скажем так» [13]. Грушин уточнил эту версию: «...поначалу мы назывались просто диалектические станковисты, а я, как любитель древнегреческого эпоса, знал о двух выдающихся братьях-близнецах Диоскурах, Касторе и Полидевке, которые не расставались никогда друг с другом. И потому, желая подчеркнуть особый тип наших отношений, предложил называться “диастанкурами”. Так выглядело все на самом деле».

Диастанкуры стремились раскрыть приемы и процессы мышления, познания и назвали разрабатывавшуюся ими логику генетически-содержательной. Они не были ревизионистами Маркса, как и не были марксистами, просто в логике «Капитала» они обнаружили некий образец интеллектуальной работы; они трактовали этот труд как текст мыслителя по имени Маркс.

В 1952 году Грушин с красным дипломом окончил МГУ и, поступив в аспирантуру, приступил к разработке темы: «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». Однако его трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки у ученого совета, и в 1955 году диссертанта провалили на предзащите. В 1957 году защита диссертации длилась пять с половиной часов, и в обсуждении участвовало 13 человек. Итог голосования был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, что факультет совершил грубую идеологическую ошибку, пропустив антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищать диссертацию в ВАКе. Все завершилось в 1958 году, и через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии [14].

Могли ли эти абстрактные философские исследования Грушина позже подвести его к социологическим исследованиям массового сознания? Думается, что да, просматривается достаточно простая логическая цепочка: разрешая себе быть свободным в своих теоретических суждениях, Грушин не мог не подойти и к признанию свободы для людей с улицы воспринимать мир и высказывать свои суждения о нем. Настоящая философия — социальна и моральна, и Грушин воспринял ее ядро. Будучи диастанкуром, Грушин не мог не разделять одного из важнейших политико-нравственных положений философии Мамардашвили, видевшего назначение человека в том, чтобы стать свободным.

Приступив к опросам, Грушин «поменял» предмет исследования: от изучения научного мышления он перешел к массовому, и опросы стали его естественным инструментом. Не зная опыта Гэллапа, находясь в принципиально иной политико-экономической и социально-нравственной среде, чем американские отцы-основатели опросов, и оставаясь при этом философом, развивавшим теорию познания, Грушин пришел к тому же эмпирическому методу познания установок, что и они. Здесь мы имеем очень интересный науковедческий инвариант.

«In pivo veritas»

Утверждение о том, что постхрущевская социология является продуктом, продолжением, рефлексией «оттепели», верно, но подобная формулировка имеет слишком общий характер и соответствует институциональной трактовке истории советской/российской социологии. При стремлении к

познанию прошлого отечественной социологии через биографии ее активных создателей необходим более тонкий индивидуально-личностный анализ. Важно найти в жизни конкретных социологов те события, обстоятельства, которые свидетельствовали бы о специфике, особенностях их погруженности в культуру той эпохи. Обнаружение подобных знаков позволит увидеть обусловленность творчества социолога влиянием атмосферы «оттепели».

Если говорить о Грушине, то прежде всего следует отметить, что появление группы диестанкуров — следствие начинавшегося потепления политического климата в стране. Существенно замечание Мамардашвили: «Наша общность возникла по гусарским <... > каналам. Какая-то струйка свободы продолжалась, ее нельзя было до конца истребить, так же как нельзя до конца истребить жизнь. И существование этой внутренней независимости выражалось, в частности, походами — не попойками, <... > по Москве большими компаниями молодежи, она липла к нам, и это было спонтанным возобновлением прежних студенческих вольных форм общения» [13]. В середине 1990-х Грушин отметит, что такие прогулки и беседы не были безопасны, и вспомнит слова Мамардашвили: «...мы все ходили по краю бездны» [12, с. 207].

Здесь мне представляется важным указать тему, которая еще не обсуждалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но развитие которой может серьезно углубить понимание генезиса нашей науки и ряда особенностей ее развития. Речь идет о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление социологии элементов неофициальной, самиздатской, андеграундной, смеховой культуры 1950–1970-х годов. Эта тема периферийна (если вообще может быть прописана) в рамках институционального изучения истории отечественной социологии, но она становится значимой, если входить в историю через биографии социологов.

В очерке о Галине Старовойтовой (1946–1998) было показано, что многое в ее гражданской позиции и научной деятельности было порождено «сайгонской культурой» — элементом андеграундной культуры Ленинграда 1960–1970-х годов. То же можно отнести к особенностям социологического мышления Валерия Голофаства (1941–2004) [15]. В данном случае речь идет о располагавшемся в центре Ленинграда кафе, за которым закрепилось имя «Сайгон» и в котором собирались молодые представители богемы и диссиденты. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа «митьков», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой.

Полагаю, что многое в профессиональной и общей культуре Грушина обусловлено его контактом с «пивным» и «банным» миром Москвы. Грушин писал, что в студенческие годы диестанкуры постоянно посещали пивные, где вели непрекращающиеся споры о философии. Эта любовь к пиву стала импульсом для написания Грушиным книги «In pivo veritas», в которой он проявил себя и как исследователь массового сознания, и как истинный любитель пива и уникальный знаток пивной культуры [16]. Обращение Грушина к пивной и банной культурам нельзя свести к досугу или хобби, они были значимым элементом его культурно-профессионального мира, неременной частью среды его бытования.

Здесь я мог бы поделиться собственными впечатлениями о посещении с Грушиным бани и о разговорах о пиве... но дам слово другим...

Вот яркое наблюдение Щедровицкого: «Мы часто фланировали по улице Горького и по прилегающим к Пушкинской площади бульварам. Это всегда была компания в пять, шесть или восемь человек <...>, которая могла, скажем, собраться в два часа дня и до вечера двигаться по московским улицам, где-то осесть: либо в пивном баре номер один на улице Горького, либо в пивном баре в Столешниковом переулке, или доходить до Кировской, или идти еще куда-то. И вот именно здесь, в этом постоянном движении, оттачивались оппозиции, мысли» [17]. Теперь — фрагмент из воспоминаний Щедровицкого об истории московского методологического кружка: «...БА был великий мастер пить пиво с крабами. И всех нас научил, поэтому мы собирались рано утром, выбирали пивной бар и отправлялись туда. Сидели. Пили пиво и обсуждали проблемы философии и логики» [18].

Дополню сказанное цитатой из текста американского советолога и историка Стивена Гранта, подружившегося с Грушиным в конце 1980-х: «...То, что он был и остается знатоком и энергичным потребителем пива, я могу подтвердить на собственном опыте, проведя с ним много вечеров в вашингтонских *rathskeller* (пивных, подвальчиках) после пары весьма приятных часов в бане» [19, с.16].

Тому, кто сам хоть иногда бывал в пивных и рюмочных и хоть немного понимает смысл парилки или сауны, знакомо то анонимно-причастное (или причастно-анонимное) состояние, которое ощущаешь после получаса пребывания там. Ты одновременно существуешь, и тебя нет: ты — как другие, и другие как ты... ты «уважаешь» окружающих, и они «уважают» тебя... Пивная и баня (в силу их демократизма) были одновременно и школой свободомыслия Грушина, и площадкой анализа общественного мнения, фактически начатого им задолго до того, как он стал изучать его профессионально.

Многие формы диалога различных культурных миров внутри личности были открыты и впервые изучены М. Бахтиным; позже это направление философии и культурологии обогатилось серьезными методологическими выводами. Не останавливаясь на изложении концепций теории диалога, можно утверждать, что профессиональное сознание Грушина-социолога вмещало очень многое из городской смеховой культуры его времени (самодетельная и бардовская песня, анекдоты, изредка прорывавшиеся сквозь цензуру кинокомедии, выступления сатириков), которая несла в себе антисоветский потенциал.

На факультете журналистики МГУ Грушин в течение четырех лет вел семинар по анализу текстов массового сознания. Анализировались стихи Высоцкого, песни Пугачевой, сочинения Жванецкого, рассказы Хармса. Им было выделено 27 типов «текстов», позволяющих проследить менталитет народа. Под его руководством было защищено несколько диссертаций, в частности — «Анекдоты на тему: русские и другие». Было изучено свыше сотни анекдотов о том, как себя ведут русские и другие нации в тех или иных ситуациях, начиная с политики и кончая сексом [5].

В упомянутой выше статье Грант пишет: «В качестве последнего доказательства его остроумия назову нашу общую любовь к анекдотам, которые мы оба коллекционируем. Объем его коллекции, без сомнения, затмевает

количество собранных мною анекдотов, хотя это десятки тысяч анекдотов прежде всего богатого советского прошлого и относительно немного — современных» [19, с. 16].

Грушинское обозначение постперестроечного периода как «социотрясения», его характеристика массового сознания россиян в начале XXI века как «шизофренического», название его передачи на «Радио “Свобода”» — «Общество имени Кафки Корчагина», заголовок статьи — «Ученый совет при Чингисхане» — это не только итоги многолетних научных наблюдений за динамикой социальных процессов в стране, но и индикатор его погруженности в смеховую культуру. На это указывает и реплика Грушина о том, что время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причем не вдоль, а поперек. Она была высказана им в защиту Ю.А. Левады, книгу которого по методологии социологических исследований громили на многочисленных собраниях.

Еще один диастанкур, Александр Зиновьев, проявил себя не только как логик, философ и социолог, но и как писатель-сатирик, мастерски использовавший образцы, традиции советской смеховой культуры. Достаточно вспомнить некоторые названия его книг: «Зияющие высоты», «Гомо советикус», «Пара беллум», «Катастрофка», «Глобальный человек».

Два научных и гражданских подвига Грушина

Выше было обозначены научные и общекультурные предпосылки движения Грушина в сторону изучения общественного мнения. Но в том, что он все же начал проведение опросов, есть сплетение закономерного и случайного. Как и в возникновении МЛК; вот слова Мамардашвили: «...начало всегда исторично, то есть случайно» [13]. Грушин оказался в нужный момент в нужном месте — в нужном для него, для социологической науки и для советского/российского общества. Этим местом стала «Комсомольская правда», и прав М. Хромченко, занимавшийся историей диастанкуров, утверждая, что «именно изучение почты подсказало [Грушину], что поступающий самотеком поток можно фокусировать вопросами из редакции. Тогда он и предложил создать при газете Институт общественного мнения, который стал для него формой научной деятельности» [20].

Настоящая статья — не место для детального перечисления сделанного Грушиным в области изучения общественного мнения; назову лишь два его вклада, которые могут быть признаны как научные и гражданские подвиги. Первый — создание в стране системы изучения общественного мнения. Второй — задуманное им и не в полной мере реализованное «четырёхкнижие» — анализ общественного мнения населения России в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина.

На вопрос журналистки О. Кучкиной о том, как он попал в «Комсомольскую правду», Грушин ответил: «Дуриком. После долгой безработицы <... > У меня был «волчий паспорт» <... > наш квартет на факультете философии считался антимарксистским <... > Меня взяли в «КП» в один день. Жена Зиновьева Тамара Филятьева сказала: напиши нам что-нибудь, хоть гонорар получишь. И я написал статью «Главная экономическая задача СССР» — не помню, какая. Я сохранил все заметки в «Комсомолке», включая «Уголок орнитолога», который вел, а эта не сохранилась <... > Меня взяли в отдел пропаганды...» [21]. Это

был 1956 год — хорошее для газеты время: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодежь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. По замечанию Грушина, многое шло от журналистов, пришедших с фронта, «они создали климат честности» [5].

Первые три года были тяжелыми для Грушина от мысли, что он предал любимое дело; но к 1960 году он постепенно перешел от изучения научного сознания к анализу сознания массового. Идея создать Институт общественного мнения была результатом размышлений, дискуссий Грушина и еще трех людей: тогдашнего главного редактора газеты Ю.П. Воронова (1929–1993), ее будущего главного редактора Б.Д. Панкова (р. 1931) и журналиста В.В. Чикина (р. 1932).

ИОМ «КП» возник в мае 1960 года, и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10–14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом. Опрос проходил в тех районах страны, жители которых «ближе всего столкнулись с бедствиями» войны. Это были населенные пункты, расположенные на 30-м, Пулковском, меридиане. На нем располагались четыре союзные республики бывшего СССР: РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия; в годы войны там велись активные боевые действия и значительная часть обозначенной территории была оккупирована немецкими войсками. Отбор респондентов производился на основе (условно) стратифицированной пропорциональной выборки.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром позвонили от “первого” и сообщили: “Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: “Прекрасно”. Поздравляем с большим успехом”. На следующий же день газета “Правда” (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке “Из последней почты” оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [12, с. 209].

ИОМ «КП» просуществовал около восьми лет, были проведены: 20 все-союзных и один международный опрос. Большая часть произведенной Институтом информации оказалась «непубликабельной»; она, писал Грушин, «либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией» [22, Жизнь 2-я, ч. 1, с. 27.]. Все острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность в отношении к выводам социологов.

Анализ значительного числа биографий социологов [23], начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х годов, позволяет трактовать

становление современной российской социологии как второе рождение социологии в России [24]. Путь, которым Грушин подошел к проведению опросов, полностью отвечает этой концепции и задает модель становления постхрущевской социологии. Сначала талантливые молодые обществоведы обнаружили противоречие между тем, чему их учили, и тем, что открыла их взору «оттепель», и тогда они сами стали изобретать методы и создавать науку, которые позволили бы им описать наблюдавшиеся ими социальные отношения. Мамардашвили говорил о бессмысленности восстановления его поколением прошлого, его не было, после революции «все исчезло физически» и новое могло произрасти лишь в существовавшем человеческом материале. Так, по его мнению, появились диастанкуры: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли, вырос? Да ничего подобного — из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...»

Опросов общественного мнения не было в дореволюционной России, и в СССР на ранних этапах развития государства, они не имели сколь-нибудь выраженного значения, потому можно утверждать, что Грушин начал опросы с нуля, без опоры на отечественные политические и научные традиции и без очевидных объективных макро социальных предпосылок. Беседы с Грушиным позволяют мне говорить о том, что в начале 1960-х он не знал технологии изучения общественного мнения, признававшуюся тогда научной в США и Европе. И это имело позитивные следствия. Принимая во внимание максимализм Грушина, можно предположить, что его знакомство с особенностями современных для того времени методов изучения общественного мнения заставило бы его стремиться к их использованию. Такое решение отодвинуло бы начало проведения опросов на многие годы.

С историко-научоведческой точки зрения весьма интересен тот факт, что, подобно Джорджу Гэллапу, Элмо Роуперу и Арчибальду Кроссли, отцам-основателям американских опросов общественного мнения, Грушин начинал с проведения опросов по заказу прессы и имел возможность знакомить население с результатами опросов. В силу множества причин эта американская практика не получила развития в СССР, и она не была возрождена в новой России. Возможно, это дело будущего.

В 1969 году, через два года после закрытия Института «Комсомольской правды», Грушин организует Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Работа Центра группировались вокруг «Таганрогского проекта». Даже сухая статистика сделанного впечатляет: 76 логически связанных друг с другом исследований, 23 анкетных опроса, почти 11 тысяч личных интервью, 18 исследований содержания прессы и радиосообщений. На материалах проекта в течение 1969–1979 годов была защищена 21 кандидатская диссертация. Одновременно была предпринята попытка впервые в стране создать организационную структуру для проведения оперативных опросов общественного мнения по различным проблемам. Весной 1971 года ЦИОМ провел свой первый всесоюзный репрезентативный опрос с выборкой в 2000 человек. Однако, пишет Грушин: «закрепить и умножить достигнутый успех ЦИОМ не удалось». Были финансовые, кадровые и организационные трудности, «но главное, конечно, — из-за принципиального, резкого ухудшения макро-

и микроусловий... для такого рода занятий» [22, Жизнь 2-я, ч. 1, с. 38]. Центр просуществовал до 1972 года, и весь процесс его рождения и жизни Грушин назвал «медленным взлетом и стремительным падением».

При последней нашей встрече в феврале 2007 года в Москве Грушин, зная о моей работе по истории советской социологии, подарил мне несколько страниц из готовившегося им третьего тома четырехкнижия «Эпоха Горбачева». Это — параграф, озаглавленный «Заключительная 15-летняя борьба за создание в стране федеральной службы изучения общественного мнения». То была деятельность, в которой Грушин выделял три направления. Первое: личная пропагандистская работа — разговоры с встречавшимися на его пути влиятельными людьми (от Г. Алиева и Э. Шеварнадзе до Давида Слуцкого и Аркадия Райкина) в надежде на то, что при случае они поддержат создание подобной системы. Второе — просветительская работа и третье — информационное давление на институты власти.

В значительной мере следствием и итогом этой деятельности стало создание в 1988 году Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам (ВЦИОМ). По настойчивой рекомендации Грушина первым директором ВЦИОМа стала академик Татьяна Ивановна Заславская, обладавшая огромным научным и моральным авторитетом не только среди обществоведов, но и в среде интеллигенции страны в целом. Когда Заславской предложили организовать первую в стране специализированную систему по измерению общественного мнения, она согласилась, «но при обязательном условии — чтобы заместителем был Борис Грушин» [25]. Грушин проработал там всего два года, но в горькие дни прощания с ним Заславская сказала: «...именно ему принадлежит честь создания ВЦИОМа как современной организации по изучению общественного мнения».

Из того ВЦИОМа выросли «Левада-центр», Фонд «Общественное мнение», многие региональные исследовательские фирмы, организации, работающие в странах СНГ. Можно сказать, что как русская литература вышла из «гоголевской “Шинели”», так и постсоветское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «грушинской шинели».

Итогом теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала докторская диссертация Грушина «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищенная им в январе 1967 года. Многие из нее вошло в книгу «Мнения о мире и мир мнений» [26], которая на многие годы стала введением в изучение общественного мнения. Эта книга могла стать нормальным учебником, но не стала, власть не считала нужным готовить специалистов в этой области.

«Таганрогский проект» продолжался свыше семи лет, еще шесть лет прошло до выхода книги, представляющей его концепцию, методологию, инструментарий и теоретико-эмпирические выводы [27]. Прошло более тридцати лет после завершения исследований в Таганроге, и это затрудняет ее понимание социологами новых поколений. Но одновременно «историчность» книги придает ей новое значение: это документ, зафиксировавший исчезнувшую реальность, «Атлантиду». Нет СССР, нет КПСС, произошли кардинальные изменения в технологии работы и в содержании телевидения, радио и прессы, стало иным отношение людей к массовым текстам.

Но социологическая фотография прошлого окажется крайне полезной всем будущим исследователям.

Несколько лет назад, пытаясь одним словом охарактеризовать главные книги Грушина, я назвал первую из указанных — «научной», вторую — «технической», или «технологической», а третью — «Массовое сознание» [28] — «поэтической», понимая под поэзией философию, выраженную в художественной форме. Грушин работал над этой книгой 23 года, она в высшей степени научна и жестко конструктивна, но сквозь ее рационализм четко просвечивает эмоциональное и эстетическое отношение автора к теме.

Грушин согласился с этими оценками. Но можно взглянуть на эти книги и с иной позиции. В первой книге виден исследовательский кураж Грушина, прорыв, некое удивление устройством мира мнений. Вторая книга — это компромисс, она не такая, какой бы он хотел ее видеть, но такая, на какую ему удалось добиться разрешения. Потому в ней совсем немного радости и много грусти. Книга о массовом сознании вышла в самом начале перестройки; Грушин приближался к своему шестидесятилетию, ему казалось, что найдено и оконтурено то, что он будет разрабатывать в грядущие годы. Он бился за создание в стране службы изучения общественного мнения, но перспективы не были радужными.

Общим для трех названных книг Грушина является то, что в них он предстает как ученый, творчество которого охватывает широкий круг проблем теоретического, методологического и методического характера. Его идеи претворяются в логические схемы и инструментарий, позволяющие изучать те области общественного сознания и те стороны общественного мнения, о существовании которых многие даже не догадываются.

Четырехкнижие [22] возвращает нас к истокам грушинского творчества, к идеалам. В этом труде Грушин развивает ряд прежних идей и предлагает много нового в методологии анализа общественного мнения, в частности — метод, названный мною голограммой Грушина [29]. Сам автор, так мне кажется, отнес идеи на второй план. По-видимому, он посчитал, что важнейшие из них реализовал ранее, и «приглушил» их изложение.

Четырехкнижие можно назвать подвигом в силу множества обстоятельств. Прежде всего — грандиозна цель: дать характеристику сознания советских людей в разные периоды жизни общества; браться за такой труд можно, только отчетливо понимая, что назад пути нет. Из проведенных им 700 исследований Грушин отобрал 300 наиболее интересных, чтобы проанализировать состояние умов россиян в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Грушин сделал то, что мог сделать только он, — рассказал о первых двух эпохах. Книга о времени Горбачева оказалась незавершенной... В начале работы издатели спрашивали Грушина: «А если ты померешь?», он, как истинный философ и приверженец смеховой культуры, ответил: «Если я помру — напишите: “Автор неожиданно помер!”» [7].

Содержание работы выходит далеко за пределы области изучения общественного мнения, она — о власти и населении, о нашем уме и близорукости, о переживаниях и радостях. Пройдут годы, и стремление ученых узнать, о чем и что думали советские люди в эпоху Хрущева и Брежнева, однозначно приведет их к этим данным.

Замысел Грушина — свидетельство его огромного, на всю жизнь, погружения в одну тему; это свыше сорока лет горения, самоотдачи, страстности. Я не припомню в отечественной социологии подобного случая. Еще одна черта отношения Грушина к своей работе: он всю жизнь накапливал и хранил информацию, вот его слова: «...я, вопреки семейным интересам (большой квартирой никогда не располагал), сохранил архивы всех своих исследований» [10].

* * *

Итак, Грушин начал в СССР опросы общественного мнения, стремясь к тому, чтобы опросы стали нормой публичной жизни страны. Он инициировал создание в стране первой специализированной службы изучения мнений населения, сам провел много сотен опросов, предложил свою теорию массового сознания и сделал многое другое. В целом же, — это пока не нашло отражения в науковедческой литературе — благодаря Грушину российская наука обогатилась таким уникальным направлением, как социология общественного мнения. В США, на Западе изучение общественного мнения не является частью социологической науки, а рассматривается как инструмент, метод прикладных междисциплинарных исследований.

И как же горько было говорить Грушину об ощущении невостребованности, о ненужности того, что он делал, о том, что жизнь не состоялась, не удалась... У кого же тогда она состоялась? Кому она удалась?

ЛИТЕРАТУРА

1. Борис Грушин: «Переходного периода нам всем на целую жизнь хватит» [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://viperson.ru/wind.php?ID=213403&soch=1>>.
2. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
3. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
4. Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82.
5. Кучкина О. В России кипит неслыханный бульон // Комсомольская правда. 2001. 15 февраля [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.kp.ru/daily/22493/7654>>.
6. Gallup G., Jr. Interview [online]. Date of access: 1.12.07. URL: <<http://www.pbs.org/fmc/interviews/ggallup.htm>>.
7. Грушин Борис: «Я изучал людские мнения нещадно, вопреки всему...» // Известия. 2004. 2 августа [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.izvestia.ru/russia/article236324>>.
8. Докторов Б. Учителя и учителя учителей. К построению траекторий преемственности // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 29–41.
9. Здравомыслов А. Человек, создавший себя сам // Политический класс. 2007. № 10. С. 18–19.
10. Грушин Б. «Мы все время вели войны за свой предмет» [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles>>.

11. Хромченко М.С. Диалектические станковисты. М.: Школа культурной политики, 2004. С. 32–33.
12. Грушин Б.А. Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. С. 205–228.
13. Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года // Вопросы методологии. 1991. № 1 [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://old.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>>.
14. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961.
15. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007 № 6 (в печати).
16. Grušin B. In pivo veritas. Praga, 1986.
17. Московский логический кружок [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://ru.wikipedia.org>>.
18. Щедровицкий Г.П. Александр Александрович Зиновьев [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <http://zhurnal.lib.ru/s/shedrowickij_g_p/gp_i7.shtml>.
19. Грант С.А. Борису Грушину в его 75-летие // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 14–16.
20. Грушин Б. Я до сих пор не знаю, что собой представляет наш народ... // Огонек. 1999. № 36 [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://ogoniok.ru/archive/1999/4623/36-11-13>>.
21. Борис Грушин: «Во время паники рабочий и академик ведут себя одинаково» // Комсомольская правда. 2004. 2 августа [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.kp.ru/daily/23329.5/30831>>.
22. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М.: Прогресс-Традиция. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. 2001; Жизнь 2-я. Эпоха Брежневца. Часть 1. 2003; Часть 2-я. 2006.
23. «Международная биографическая инициатива» (IBI) [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
24. Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии / Тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26–27 октября 2007 г. [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_reform.html>.
25. Заславская Т.И. К десятилетию ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. 1998. Вып. 1 (33). С. 9.
26. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
27. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А. Ониква. Москва: Изд-во политической литературы, 1980.
28. Грушин Б.А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.
29. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006. Гл. 10.

Б.З. Докторов,
доктор философских наук